

— Ну, Сяо Цзян, — Хань Дуй похлопал парня по плечу, — настали наши времена, удача повернулась к нам лицом. Возвращайся домой и как следует подготовься.

Ли Сяоцзян посмотрел на него с явным сомнением:

— Ты уверен, что это удача, а не сокрушительный ураган?

— Абсолютно, — твёрдо кивнул Хань Дуй. — Просто доверься мне.

Договорить они не успели — за Хань Дуем прибежали из конторы производственной артели. Передали, что его срочно вызывает капитан Ли.

Ли Сяоцзян тут же снова занервничал:

— Ну всё, пропали. Если уж мой дядя тебя зовёт, добра не жди.

— Не переживай, — улыбнулся Хань Дуй. — Жди хороших новостей.

Он лёгким шагом направился к конторе. У самого входа ему повстречался Ли Сяофа — сын капитана Ли Маньфу.

Этому типу было двадцать три года. С тех пор как его отец возглавил артель, Ли Сяофа на простых смертных даже не смотрел. Подумаешь, сынок мелкого деревенского старосты, а гонору напустил на себя — чистый наследник высокопоставленного министра.

Ли Сяофа смерил Хань Дуя пренебрежительным взглядом с ног до головы. Тот в ответ уставился на него как на умалишённого: изобразил на лице крайнее изумление, поспешно отшатнулся на пару шагов и, прижав руку к груди, преувеличенно испуганно выдохнул. Не проронив ни слова, Хань Дуй разыграл целую немую сцену с лихо закрученным сюжетом.

Ли Сяофа только лишился дара речи.

«Такому таланту только в революционной опере выступать, пропадает артист!» — подумал он.

Хань Дуй зашёл в кабинет. Капитан Ли Маньфу, заметив его делано перепуганный вид, недовольно нахмурился:

— Что с тобой? Мой вызов тебя до полусмерти довёл?

— Да нет, что вы, — Хань Дуй успокаивающе прижал ладонь к сердцу. — Просто по дороге сюда мне бешеная собака попалась. Насилу ноги унёс, до сих пор поджилки трясутся.

— Разве у нас в артели есть бешеные собаки? — удивился Ли Маньфу. — И чья же она?

— Понятия не имею, чья, — Хань Дуй вежливо улыбнулся. — Вы тоже будьте осторожнее, товарищ капитан, когда домой пойдёте.

На этом разговор о бешеной собаке исчерпал себя.

Ли Маньфу отхлебнул чаю, шумно прокашлялся и неторопливо перешёл к делу:

— Хань Дуй, ты, говорят, на днях опять в коммуну наведывался?

— Было дело, — чистосердечно признался Хань Дуй. — Ходил вручать благодарственное знамя Всекитайской федерации женщин.

Капитан Ли сохранял бесстрастное выражение лица:

— У директора Ян полно забот, нечего докучать ей по пустякам. И запомни: наши внутренние дела должны решаться здесь, на месте. Незачем выносить сор из избы.

— Товарищ капитан, я ведь только за! — с предельной искренностью вздохнул Хань Дуй. — Я к вам сколько раз прибегал? А вы всё отмахивались... Пришлось как-то выкручиваться, деваться-то некуда.

Ли Маньфу помрачнел. Опустив веки, он демонстративно замолчал, медленно потягивая чай из кружки.

Хань Дуй ничуть не смутился. Он терпеливо ждал, а чтобы скоротать время, заметил на краю стола старую газету и с увлечением принялся её разглядывать.

Ли Маньфу рассчитывал подавить юнца авторитетом, который нарабатывал годами, но просчитался. Наглец и ухом не повёл. Любой другой на его месте уже исходил бы холодным потом от страха, а этот сидел как ни в чём не бывало.

Поняв, что игра в молчанку провалилась, капитан Ли громко кашлянул, призывая к вниманию.

Хань Дуй оторвался от передовицы и вежливо уставился на собеседника.

— Сяо Хань, — вкрадчиво, с отеческой наставительностью начал Ли Маньфу. — Стремление к росту для молодёжи — дело благое. Но когда рвения через край, это перерастает в слепое тщеславие. А карьеризм до добра не доводит.

— Позвольте, товарищ капитан! — возразил Хань Дуй. — Я иду в артель с единственной целью — верой и правдой служить трудовому народу. Если бескорыстное служение отечеству теперь зовётся карьеризмом, то у вас, кажется, политическая бдительность дала крен.

Голос Ли Маньфу посуровел:

— Слыхал поговорку: «Первой пуля разит ту птицу, что летит впереди стаи»?

— Слыхал, конечно. Но что-то я не припомню птиц, которые напрочь отказались летать из страха перед охотниками.

Ли Маньфу промолчал, переваривая услышанное.

Некоторое время они молча мерили друг друга взглядами.

Наконец капитан устало потёр лоб:

— Ладно, скажу прямо. Должностей в нашей артели — раз-два и обчёлся. Капитан, заместитель, бухгалтер, учётчик трудовой да кладовщик. Ну ещё пять бригадиров. И на какое же место ты заришься?

— Ну, на руководящие посты я не претендую, — скромно улыбнулся Хань Дуй. — Уважаемый Чжан Синьшэн прекрасно справляется с бухгалтерией, старина Хэ — незаменимый кладовщик, да и бригадирам до пенсии далеко. Выходит, свободна только вакансия учётчика трудовой. Что ж, привередничать не стану, согласен на неё. Писать и считать я умею, справлюсь без труда.

— Ловко ты всё рассчитал, — съязвил Ли Маньфу. — Если каждый начнёт сам себе должности раздавать, зачем тогда вообще нужен капитан?

Хань Дуй терпеть угрозы не собирался. Он резко поднялся со стула и направился к выходу:

— Товарищ капитан, если любое моё благое начинание будут душить на корню, то какой вообще смысл во всём этом? К чему были двенадцать лет усердной учёбы? Пойду-ка я свяжусь с однокашниками, организуем комитет. Как говорится: «Река покроется вековым льдом, а мы всю горькую правду расскажем руководству».

У порога он решил добавить весу своим словам. Вспомнив одну из пафосных фраз из личного дневника прежнего владельца тела, он отчеканил:

— «Я буду сражаться за правду! Широким шагом, навстречу бурям, я устремляюсь в самое горнило революции!»

Ли Маньфу остался сидеть с открытым ртом.

«Ишь какой боевой выискался!» — только и подумал он.

Хань Дуй широким, уверенным шагом зашагал домой к обеду. Стоило ему переступить порог, как родные обступили его, засыпая тревожными расспросами.

— Всё в порядке, — весело отмахнулся Хань Дуй, проходя к столу. — Не переживайте вы так.

После ужина он заперся у себя и принялся перерывать ящики в поисках старых тетрадей и книг. Раз уж он оказался в этой эпохе, следовало хорошенько изучить правила игры и обогатить свой лексикон местными идеологическими штампами — прежнего багажа знаний для ведения словесных баталий явно не хватало.

На полках сиротливо теснилась пара стопок школьных учебников, а из внеклассного чтения нашлись разве что цитатник Мао Цзэдуна да увесистые тома Маркса и Ленина.

Никаких романов, журналов или поэтических сборников. Зато в углу обнаружился потрёпанный «Дневник Лэй Фэна» и десятка полтора личных дневников прежнего Хань Дуя.

Хань Дуй устроился поудобнее и принялся перелистывать пожелтевшие страницы. Чтение то и дело заставляло его прыскать от смеха — не от особого остроумия автора, а из-за невероятной наивности и абсурдности ушедшей эпохи. На страницах пестрели диковинные лозунги, пафосные стихи и причудливые размышления. Поистине — век живи, век учись.

За этим увлекательным занятием его застал голос матери.

— Сяо Жуй, сынок, я войду? — позвала Чэнь Юэсян из-за двери.

— Да, мам, заходи, — отозвался Хань Дуй.

Чэнь Юэсян прикрыла за собой дверь и с тревогой посмотрела на сына:

— Сынок, материнское сердце, конечно, жаждет видеть тебя большим человеком, но твоя безопасность мне дороже всего. Ты ещё на работу устроиться не успел, а этот Лю Вэйго уже из кожи вон лезет, чтобы тебе напакостить. Да и Ли Маньфу хорош... Контора эта — сущий гадюшник! Может, ну её, эту артель? Если уж так не хочется в поле спину гнуть, мы с отцом наступим на гордость и снова пойдём кланяться твоему третьему дяде. Вдруг выхлопочет тебе какое-нибудь место временного рабочего на станции?

Хань Дуй поднялся навстречу, заботливо усадил её на стул и мягко произнёс:

— Матушка, ты у меня женщина сильная, негоже из-за лёгкого сквозняка панику поднимать. Спокойствие, только спокойствие. Как учил великий вождь: «Если враг яростно нападает на нас, это хорошо, ибо доказывает, что мы проводим чёткую грань между нами и врагом».

Чэнь Юэсян только покачала головой:

— И откуда в тебе столько красноречия взялось?

Они побеседовали ещё немного, после чего мать ушла. Следом в комнату тихонько проскользнула старшая сестра, Хань Мэй.

Она сразу решила высказаться:

— Сяо Жуй, может, тебе и правда в Федерацию женщин пойти? Место приличное, спокойное, да и дело благородное — всё на пользу обществу.

— Сестрица, — улыбнулся Хань Дуй, — я вот думаю, что эта работа куда больше подошла бы тебе самой. Ты давай-ка читай побольше, учись писать красиво и жди своего часа.

Хань Мэй испуганно замахала руками:

— Да куда мне! Я же глупая, ничего у меня не выйдет.

Не успел Хань Дуй возразить, как из-за двери донёсся зычный голос старшего брата, Хань Гана:

— Сяо Жуй! Мэйцзы дело говорит! Тебя берут в Федерацию женщин? Батюшки, это ж ты целыми днями среди девчат крутиться будешь! Соглашайся, чего тут думать!

Брат с сестрой переглянулись в немом изумлении.

Мысли Хань Гана, как обычно, текли в весьма специфическом русле.

Хань Мэй вскоре ушла, а Хань Ган так и остался подпирать косяк в комнате брата.

Сияя от предвкушения, он заговорщицки подмигнул:

— Сяо Жуй, если устроишься туда, я тебе... так и быть, подкину сверху ещё три юаня представительских расходов.

Хань Дуй так и обомлел. Три юаня по нынешним временам — целое состояние!

Не теряя времени, он той же ночью умудрился вытянуть у доверчивого брата займы целых пять юаней. Клятвенно пообещал вернуть всё с первой же полочки, да ещё и с процентами — по десять мао в месяц сверху.

«Маленькая житейская мудрость от Хань Дуя: никогда и ни при каких обстоятельствах не хвастайтесь своими сбережениями. Обязательно найдётся тот, кто захочет прибрать их к рукам».

Засыпать с тугим карманом было несказанно приятно. Чего нельзя было сказать о Хань Гане, который всю ночь ворочался, сокрушаясь о потерянных деньгах.

На следующее утро, едва успела закончиться утренняя трапеза, на пороге дома Ханей нарисовались Ли Сяофа и Ли Сяобо.

Домочадцы переглянулись с явной настороженностью. С чего бы этим двоим жаловать к ним в гости?

— Утречко доброе! — радушно встретил их Хань Дуй. — Какими судьбами?

Ли Сяобо нехотя буркнул:

— К нашей артели прислали новую партию чжицин. Капитан велел нам вместе поехать на станцию встречать городскую молодёжь.

«Всё ясно, — смекнул Хань Дуй. — Хотят услатить меня подальше из деревни, чтобы под ногами не путался и делов не натворил».

Ну и ладно. Встретить так встретить, заодно посмотрит, нет ли среди приезжих толковых ребят.

— Дело государственной важности, — с готовностью кивнул он. — Конечно, надо ехать. Ну что, выдвигаемся?

Ли Сяофа окинул его придиричивым взглядом и высокомерно процедил:

— Городские ведь едут, нельзя в грязь лицом ударить. Иди хоть причешись да оденься поприличнее, а то смотреть тошно.

С этими словами он небрежно стряхнул невидимую пылинку со своего плеча.

Хань Дуй только сейчас разглядел его наряд: новенькая защитно-зелёная гимнастёрка, такого же цвета кепка-маовка и сияющие белизной парусиновые туфли.

«Настоящий кочан капусты, — мысленно прыснул Хань Дуй. — Весь зелёный, а кочерыжка снизу белая».

С трудом сдерживая смех, он ответил:

— Хорошо-хорошо, сейчас переоденусь.

Он выбрал свой лучший наряд — добротный синий полувоенный френч и крепкие матерчатые «освободительные» кеды. Выглядело просто, но аккуратно и со вкусом.

— Послушайте, а мы что, втроём поедем? — поинтересовался он, застёгивая пуговицы. — Может, позовём Сяо Цзяна за компанию?

Ли Сяофа и Ли Сяобо лишь неопределённо пожали плечами, но Хань Дуй настоял на своём, и возражать они не решились.

Ли Сяоцзян в этот момент торчал на улице со своим закадычным другом Хэ Минхуэем, так что Хань Дуй прихватил обоих.

Впятером они дошли до околицы, где уже тарахтел старенький трактор, украшенный по случаю торжества пышным бумажным цветком кумачового цвета.

За рулём сидел Хэ Ци — седьмой дядя Минхуэя, занимавший в артели должность кладовщика.

Окинув племянника недовольным взглядом, Хэ Ци проворчал:

— Ребята едут по делу, комсомольцев встречать. А ты-то куда увязался, бездельник?

Хэ Минхуэй смущённо поскрёб затылок и покосился на Хань Дуя. Тот поспешил на выручку:

— Дядя Хэ Ци, лишние руки не помешают. Да и места в кузове предостаточно, доедем с ветерком!

Тракторист только фыркнул:

— Смотрите сами, я предупредил. Туда-то мы доедем с комфортом, а вот на обратном пути, когда закинем в кузов молодёжь с их пожитками, кому-то точно придётся тащиться пешком.

Хань Дуй прикинул в уме: пешком до города идти часа три с хвостиком. В крайнем случае можно поймать попутную телегу или быков. К тому же теперь он парень при деньгах, доедет как миленький.

— Ерунда, — беспечно отмахнулся он. — Если не поместимся, дойду пешком, не развалюсь. Поехали!

Трактор нещадно трясло на ухабах всю дорогу до самого автовокзала уездного города. Однако на месте их ждало разочарование: перрон пустовал. Дежурный на станции лениво пояснил, что рейсовый автобус заглох где-то на полпути и задержится по меньшей мере часов на пять.

Парни уныло переглянулись. Весь задор мгновенно испарился.

Хэ Ци лишь хмыкнул, ничуть не удивившись:

— Обычное дело. Вот если бы вовремя пришёл, я бы заволновался. Ладно, разбегайтесь кто куда, часа через четыре жду всех здесь.

Солнце стояло в зените, и желудки молодых людей начали дружно требовать еды.

Отправляясь в путь, они рассчитывали обернуться до обеда, поэтому прихватить с собой сухой паёк никто не догадался.

Ли Сяофа скосил глаза на Хань Дуя и с глумливой усмешкой спросил:

— Мы со Сяобо и Минхуэем решили завернуть в государственный ресторан. А у тебя-то при себе водится монета да продовольственные купоны?

Глаза Хань Дуя радостно блеснули. Он с жаром ухватил Ли Сяофа за предплечье:

— Ли Сяофа, дорогой ты мой человек! Какой же ты всё-таки великодушный товарищ! Знаешь ведь, что у меня в карманах ветер гуляет, и сам предлагаешь угостить в ресторане! Спасибо тебе огромное, уважил. Ну что, пойдём скорее?

Ли Сяофа онемел от такой наглости.

Проглотив обиду, он сквозь зубы процедил:

— Послушай, Хань Дуй, я что-то не припомню, чтобы предлагал за тебя платить.

Хань Дуй понимающе всплеснул руками:

— Ах вот оно что! Ну конечно, как я сразу не подумал. Видно, с деньгами нынче туговато, да?

Он смерил Ли Сяофа сочувственным взглядом с головы до ног и сокрушённо вздохнул:

— А я-то гляжу — вырядился как на парад, думал, карманы от юаней ломятся. Оказывается, такой же голытьба, как и я.

Это задело Ли Сяофа за живое. Больше всего на свете сын председателя боялся прослыть дешёвкой и скрягой.

Сжав кулаки, он выпалил:

— Да у меня денег куры не клюют! Пошли, сегодня я плачу!

Хань Дуй расплылся в довольной улыбке и показал ему большой палец:

— Вот это я понимаю — размах! За то тебя и уважаю!

Затем он подмигнул стоявшему поодаль Ли Сяоцзяну:

— Сяо Цзян, чего застыл как неродной? Шевелись, обед стынет!

<http://bllate.org/book/19655/1986974>